

Софья КИНДЯКОВА

ВЕНЕЦИЯ

Черны, как ночь, на землю пали тени,
Что бросил свет колдующей луны,
И мрамором одетые ступени
В густую тьму уже погружены.

И волны тихо край их омывают...
Трепещет зыбью дремлющий канал,
Улыбку звезд приветно отражает
В немом дворце паркет пустынных зал.

Решетки окон в кружеве ажюра
Минувших жизней повести хранят.
Спит кипарис... И, грезя, льет датура
Из чаши белой благовонный яд.

Скользит в саду полотен Тициана
Знакомый образ – в локонах лицо,
И у перил, при лепете фонтана
Гондолу ждет зацветшее кольцо.

Сквозит резьба на стрельчатом балконе,
Тяжелой страстью дышит старый лавр,
И чудится, навстречу Дездемоне
Спешит любовью опьяненный мавр.

Венеция, ты спишь на водном ложе,
Ползут века, меняются пути,
Но шепчет Вздохов Мост, Палаццо Дожей
Про львиный зев Совета Десяти;

Про догаресс, пиры и договоры,
Колоколов лепантских гордый звон,
И про небес лазурнейшие взоры
В жемчуг и яхонт убранных мадонн.

И вечная канцона гондольера,
Времен сразив завистливый черед,
Про *forza dell' amore, dell' altiera*,
До наших дней восторженно поет.

В ГОНДОЛЕ

Тебе, Венеция, жемчужина морей,
Я шлю привет мой тихий запоздалый...
Прими его, как стон души моей,
Души измученной, и скорбной, и усталой.
О, как ты хороша! Волшебный, странный сон
Истомой сладостной моё чело объемлет
В прозрачном сумраке, в тиши, со всех сторон
Громада пышная дворцов зубчатых дремлет,
И негой дышет ночь... Недвижная луна
Лагуны спящие спокойно озаряет,
Чуть веет ветерок, и зыбкая волна
Лучом серебряным капризно колыхает.
На тёплом бархате канала свежих вод
Бесшумна и легка скользит моя гондола.
Riotto белого прохладный, мшистый свод
Играет звуками чуть слышной баркароллы,
И длинного весла ей вторит влажный всплеск.
Палаццо старого обросшие ступени,
Свидетели времён, когда роскошный блеск
Былых патрициев не знал досадной тени,
Манят взойти опять на звонкий мрамор плит.
Узорных фонарей цветное отраженье
На ложе призрачном причудливо дрожит,
И цепью тянется в бессчётном отраженье...
Всё замерло вокруг, всё тонет в ясном мире –
И слышится вдали: «*Vorrei morire*».

ВИЛЛА АДРИАНА

В былой Авзонии, где свод небес так жгуч,
 Оазисом средь выжженной пустыни
 Стоит она досель. Изломан и колюч,
 Ряд кактусов под куполами пиний
 Ведет в заглохшую аллею. По стенам
 Цепляются гирлянды, тут и там,
 И фиолетовых и розовых глициний,
 И острый, как стрела, их прорезает луч.
 Разрушен Цезаря уединенный дом,
 В развалинах кирпичных ступени.
 Лишь, полустертыя, украдкой, о былом
 Шепнут гостям обломки украшений.
 В бассейне атрия печальный островок
 Среди камней белеет одиночек, –
 Свидетель августа безмолвных размышлений...
 И мрамор сыплется под ласточки крылом.
 А там, где, в тишине, чуть пахнувший ирис
 Канал, травой заросший, окаймляет,
 Где, часовой веков, гигантский кипарис,
 Природы жизнь доныне охраняет –
 Там, чудится, как встарь, безсмертьем осиян,
 Неслышным шагом бродит Адриан
 И, памятью томим, все так же отдыхает,
 Припав на грудь твою, прекрасный Адонис.

* * *

Ты помнишь ли пустынную дорогу
 И вереска лиловые поля?
 Сливался холм с долиною отлого,
 Синела морем вдалеке земля.
 Был воздух полн росой гвоздик и тмина,
 Кузнечик пел всё звонче и смелей,
 И утро с душ сметало паутину
 Снопам солнца радостных лучей.
 Ты помнишь ли кудрявую опушку,
 Густую тень упавшего ствола?
 Кора трещала, и на мха подушку
 Слезой янтарной капала смола.
 Ты белое с цветами помнишь платье?
 И пёстрых бус разорванную нить?
 И тихий смех, и быстрое объятье,
 И те слова, что сердцем не забыть?

1930

* * *

Сползала тень по звёздному узору,
 Всё тяжелей сгущались облака.
 За шагом шаг мы поднимались в гору,
 Впивалась в руку цепкая рука.
 Изрыт был путь морщинами извилин,

Огонь зарниц то гаснул, то пылал,
 Листва гудела...И незримый филин
 В незримой чаше глухо прокричал.
 Сорвался ветер. Молнии извивы
 Черкнули знак загадочных письмён...
 В раздумьи ты склонился молчаливо
 Знамений рядом тягостно смущён.
 Оставь! Не верь! Дни счастья иль недели,
 Жизнь иль конец готовит нам судьба –
 Не всё ль равно? Лишь надо смель: мы смели,
 И час был наш, и что нам ворожба.

1930

* * *

Часы бегут... и нет тебя со мною.
 Зажглись миры на небесах иных,
 Зажглись огни на улицах пустых,
 И заперто окно решёткой ледяною.
 И я одна. Блеснул на снега слое
 Луч фонаря. И в сердце луч горит:
 Там, у постели, в столике лежит
 Письмо, что прислано два дня назад тобою.

1930

* * *

Кто верует, для тех всесильно утешенье,
 Что в мир иной от жизни скорой сей
 Идёт душа, избегнув смерти тленья,
 И видит вновь толпу родных теней.
 Но я не верю той мечте и упованью...
 Нет, для меня – последнее рыданье,
 Земли сырой скатившийся комок,
 Последней песни отзвучавший слог,
 Надгробных свеч печальное мерцанье –
 Всё, мнится, шепчет мне: «Прощайся же навек
 Со всем, что для тебя так дорого и мило,
 Что ты так искренно, так пламенно любила.
 Со всем, что ныне прах, что было человек...»

1900

Словно мелом, помеченный точками –
 Желто-белыми липкими почками,
 Наклонился и дремлет каштан.
 Изумрудное небо вечернее...
 Тонких веток чеканною чернию
 Рассекается звезд караван.
 Но не дышит тепло запоздалое.
 Еще мерзлой улыбкой усталую
 Усмехается профиль луны.
 Не грусти! Льды весною расплавлены:
 На зиме уже точки поставлены
 Шаловливой рукою весны.

1929

